

О.С. Кудлай (Москва, Россия)

Л.Ф. Луцевич Автобиографические исповеди в литературе: Претексты. Тексты. Контексты / Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН. М.: Наука, 2020. 502 с.

O.S. Kudlay (Moscow, Russia)

Lyudmila Lutsevich Autobiographic Confessions in Literature (Pretexts. Texts. Contexts) / A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka Publ., 2020. 502 p.

Автобиографическая исповедь как литературный жанр и «ключевое слово культуры» не единожды привлекала внимание исследователей. Среди отечественных гуманитариев, обращавшихся к проблемам дефиниции, типологии и специфики этого феномена, можно назвать Л.М. Баткина, М.М. Бахтина, Л.П. Гроссмана, К.Г. Исупова, Н.Н. Казанского, М.В. Михайлову, М.С. Уварова и др. В свою очередь современные зарубежные ученые активнее изучают исповедь с позиций философии языка и теории коммуникации¹. Однако, несмотря на интерес научного сообщества к автобиографической исповеди как к «самобытному пласту» культуры, до сих пор не выработан строгий терминологический аппарат для ее всестороннего изучения, не достигнут консенсус относительно того, какой текст можно назвать «исповедальным» и каковы критерии его жанрового определения, и т. д.

Автор рецензируемой монографии отдает дань традиции и справедливо подчеркивает, что «автобиографические исповеди таких выдающихся русских писателей, как Н.В. Гоголь и Л.Н. Толстой, <...> привлекают самое пристальное внимание» (с. 9). Между тем специального и подробного воссоздания истории формирования и развития автобиографической исповеди в отечественной словесности, по словам Л.Ф. Луцевич, ранее не предпринималось. Вот почему своей целью она ставит изучение автобиографических исповедей, созданных не только русскими литераторами (достаточно известный материал), но также общественными деятелями, учеными, императорскими особами. В исследовательском фокусе – XIX век, поскольку именно в это время «доминирует исповедальная нарративность» как в автобиографии, так и в художественной литературе (с. 10). При этом Луцевич не стремится к «целостной характеристике того или иного текста, а позволяет себе останавливаться на отдельных вопросах и проблемах и в тех случаях, когда рассматриваемое

¹ См. одну из последних работ: *Засе С. Яд в ухо: исповедь и признание в русской литературе* / [Пер. с нем. Б.М. Скуратова, И.М. Чубарова]. М.: РГГУ, 2012.

произведение уже вписано в определенные традиции научного осмысления, и в тех случаях, когда предпринимаются первые попытки его описания» (с. 11). Иначе говоря, автор сосредоточен на истории развития автобиографической исповеди в русской словесности, характеристике разных граней жанра, который в силу своего диффузного состояния с трудом поддается упорядочиванию.

Таким образом, в монографии представлен обзор наиболее репрезентативных исповедально-автобиографических текстов, намечены некоторые пути и возможности осмысления автобиографических исповедей. Основные выводы, сформулированные Л.Ф. Луцевич, хорошо знакомы тем, кто внимательно следил за публикациями ученого, подготовившими появление этой книги.

Монография состоит из предисловия, в котором кратко обозначается вектор развития исповеди в русской словесности, и четырех разделов. Первый – «Вместо введения» – выполняет скорее служебную функцию, направляет читателя, но при этом содержит ряд ценных суждений о фундаментальных исследованиях исповеди в науке о литературе. Он складывается из двух глав. Одна посвящена историко-теоретическим аспектам изучения исповеди и представляет собой обзор важнейших работ по теме. Здесь Л.Ф. Луцевич с опорой на Т.Н. Волкову и А.М. Ваховскую подчеркивает неопределенность и «дуализм», «двучастность» жанра, соотнося исповедь «христианскую и литературную» (с. 20). Автор монографии не дает четкого определения автобиографической исповеди, зато приводит разные точки зрения на эту проблему и очерчивает зоны неопределенности в ее решении. Во второй главе («Исповедь – ключевое слово культуры») Л.Ф. Луцевич рассматривает историю возникновения исповеди как «покаяния» в религии до приобретения ею «светского статуса» (с. 39), а также особенности ее функционирования в западной и восточной культурах. Тем самым, обращаясь к лингвистическим и культурологическим аспектам исповеди в исследованиях предшественников, ученый устанавливает, что, с одной стороны, «исторические корни исповеди / исповедальности уходят в далекое ритуально-языковое прошлое» (с. 32), а с другой – исповедь метафорична по своей природе: это «искренний» способ выражения сокровенных мыслей, превратившийся в культурный код отдельных эпох.

Второй раздел – «Три исповеди в пространстве европейской культуры» – посвящен осмыслению «Исповеди» Августина, «Истории моих бедствий» П. Абеляра и «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо, т. е. текстов, которые повлияли на становление исповедальной литературы в русской словесности. К примеру, «Исповедь» Августина впервые соединила традицию церковной исповеди и традицию автобиографического повествования, создав «литературный исповедальный канон» (с. 57). Л.Ф. Луцевич отмечает, что «пользу от исповеди» сам Августин определяет как «новую форму духовной общности», способ познания Бога, связанный с мотивом «обращения» личности: главное «рассказать» не просто о себе, о своих свершениях, а о том, «каков я сейчас» (с. 55). Между тем «История моих бедствий» Пьера Абеляра характеризуется как «антиавгустинская исповедь», обращенная «к самому себе, к переживанию единственности собственного бытия» (с. 63). Наконец, цель «Исповеди» Жан-Жака Руссо – показать «самого себя», «выявить любой ценой глубины своего сущего», «обнаружить неординарность», «преодолеть самого себя» (с. 82). По мнению исследователя, «безумие» Руссо стало способом выражения своего «Я»: в исповеди отсутствует мотив церковного «покаяния», осознания греха, в то время как «мерилом» искренности является раскаяние перед самим собой. Таким образом, размышляя о трех исповедях, Л.Ф. Луцевич выде-

ляет ключевые моменты, важные для анализа этих «мастерских автопортретов» в контексте выражения «личного» слова «о себе» (с. 83) и демонстрации многоплановости европейских исповедей, их неоднородности.

Своеобразным приложением ко второму разделу служат рассуждения о рецепции трех этих исповедей в Серебряном веке – времени, когда писатели и мыслители «устремили свои взоры к раннему Средневековью, видя там истоки пробуждения индивидуального сознания / самосознания, попытки нравственного совершенствования <...>, выражение высокой духовности, воплощение универсальных христианских ценностей» (с. 85). Так, Д.С. Мережковский использует «Исповедь» Августина для актуализации «ретроспекций и всевозможных параллелей в истории и в культуре» времени Августина и событий русского XX века, делая средневекового мыслителя «со-мышленником» (с. 89). Опираясь характерными для символистов литературными приемами (цитатность, монтаж и др.), он не только передает «содержание откровений Августина» (с. 94), но полемизирует со святым, выражает собственное «слово» о себе. Что касается «Исповеди» Руссо, то, по мнению того же Д.С. Мережковского, ее автор – эгоист, «самовлюбленная личность», в то время как у Д.В. Философова он «живой человек <...> с карамазовскими чертами», а «розановский Руссо – “странная больная птица с больной и тоскливой песнью, пропевшая революцию”» (с. 108). Между тем «История моих бедствий» П. Абеляра в трактовке Г.П. Федотова, который «стремится выявить многообразные черты, свойства и качества конкретного индивидуума через кропотливое изучение его самопознания» (с. 121), вписана в контекст изучения проблем существования личности, становления духовного пути. Названных авторов Серебряного века объединяет не только интерес к внутреннему миру европейских богословов, к трудному процессу становления личности, но и стремление выразить через исповедальный «материал» отношение к проблемам своего времени.

Если первые два раздела монографии можно считать вводными (по преимуществу они состоят из обзора трудов предшественников), то уже третий – «Исповеди в пространстве русской культуры» – центральная часть книги, поскольку в нем сосредоточено «хронологическое обозрение наиболее презентативных исповедально-автобиографических текстов XIX в., что позволяет представить общую картину бытования этого жанра» (с. 181). Посвященный автобиографическим исповедям в русской словесности (начиная с «претекстов», повлиявших на формирование жанра, и заканчивая «Исповедью» Л.Н. Толстого), он делится на три главы: «Христианизация Руси и опыты “исповеда о себе”», «Чистосердечные признания XVIII века» и «Авторские исповеди XIX века». Отметим, что первая из них прежде не публиковалась. Л.Ф. Луцевич апеллирует к наименее изученным исповедальным автобиографическим текстам в русской культуре. Она рассматривает «Духовную грамоту и исповедь» игумена Иосифо-Волоколамского монастыря Евфимия Туркова как один из первых древнерусских текстов, в котором сочетается привычное литературе подобного рода «самобичевание» с автобиографическими элементами. В этом же ряду «Повесть» Мартирия Зеленецкого, выделяющаяся среди других источников «интимным переживанием автором-книжником своей причастности божественным силам» (с. 133), и, разумеется, «Житие протопопа Аввакума», до которого «в русской литературе не существовало такой пронзительно-проникновенной исповедальности, никто не заявлял о себе столь экспрессивно, остро и вместе с тем определенно» (с. 143). Как видно, русская словесность наряду с религиозно-ритуальной «исповедальностью» постепенно приобретала черты автобиографизма.

Следующая глава обращена к автобиографическим исповедям XVIII в. Для иллюстрации двух типологических «подходов» к их понимаю Л.Ф. Луцевич анализирует «Чистосердечную исповедь» Екатерины II и «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» Д.И. Фонвизина. Оба автора, находясь под сильным влиянием Руссо, задали совершенно разные способы создания исповедальных текстов. Если Екатерина II «находится за пределами церковного сознания» и ее текст можно охарактеризовать как «откровенное признание» или даже «любовную исповедь», что выходит за рамки литературной традиции того времени (с. 158), то Д.И. Фонвизин создает отдельный тип исповедальных текстов – «таинство», близкое к религиозно-ритуальной традиции (с. 168).

Третья глава в данном разделе призвана охарактеризовать многообразие русских автобиографических исповедальных текстов XIX в. Выбор материала обусловлен формальным признаком – «наличием самого слова исповедь (его синонимов: признание, покаяние) в названии, подзаголовке или непосредственно в тексте произведения» (с. 10). При этом Л.Ф. Луцевич поясняет, что на самом деле «исповедальных текстов» в позапрошлом столетии гораздо больше, но именно формальный подход позволяет поставить проблему авторского понимания жанра. Галерея автобиографических исповедей XIX в. представлена хронологически. Открывает ее «Моя исповедь» Н.М. Карамзина, интересная с точки зрения подражания Руссо как «псевдоисповедь» с ненадежным повествователем. Однако центральное место занимают исповеди второй половины века. Ученый отмечает, что для автобиографических исповедальных текстов характерен широкий тематический диапазон, чем и обусловлена пестрая картина рассмотренных текстов. Наряду с философской «Исповедью» Л.Н. Толстого здесь привлечены «исповеди-признания» Н.В. Гоголя, «исповеди – очерки творческого пути» А.К. Толстого, «первая и единственная Русская исповедь, последовательно воплотившая опыт “позитивного” познания личности» (с. 302) – «Моя исповедь» Н. Огарева и др.

Завершающий раздел «Вместо заключения» подводит итоги объемного труда. В качестве основного можно назвать состоявшееся изучение разноплановых, неоднородных автобиографических исповедей и их типологизацию. Л.Ф. Луцевич убеждена, что «исповедь <...> становится автобиографическим репрезентантом для авторов XIX века» (с. 483), так как «связана с многовековой религиозной традицией сосредоточенности личности на себе»; «соотносится с таинством, где в результате внутреннего процесса покаяния <...> раскрываются поступки и помыслы»; «нередко возникает как реакция на кризисную ситуацию»; «будучи самостоятельным, но многоаспектным жанром, <...> соотносится со множеством других жанров»: с автобиографией (исповеди П.А. Вяземского, А.К. Толстого, В.И. Кельсиева), мемуарами (тексты М.А. Бакунина, А.К. Толстого), письмом («записки» Николая I, «покаяние» К.И. Огарева), признанием («показания» В.И. Кельсиева), оправданием («чистосердечная повесть» Н.В. Гоголя), прошением (П.А. Вяземского к Николаю I), исследованием («опыты» Н.П. Огарева) (с. 482). Кроме того, изучение автобиографических исповедей XIX в. позволяет впервые классифицировать их по сюжетно-тематическому и жанровому принципам на «исповеди-покаяния» (ориентированы на признание и раскаяние в содеянном), «исповеди-признания» (нередко доминирует судебный исповедальный дискурс), «исповеди-когниции» позитивистского толка (для них характерен процесс научного самосознания), «исповеди-очерки» (творческого пути) и, наконец, «исповеди-проповеди» (связаны с политическим дискурсом, им присущ агитационный, пропагандистский характер). Каждый тип инспирирован той или

иной кризисной ситуацией, в которой оказался автор, и лишний раз подтверждает мысль о доминировании исповедальности в русской культуре и литературе XIX в.

В заключение добавим, что монография Л.Ф. Луцевич напоминает нам о ряде нерешенных вопросов. До сих пор отсутствует единый терминологический аппарат в области изучения автобиографической исповеди, не сформулировано ее общее жанровое определение и не выработаны критерии разграничения с исповедью литературной. Многие исследователи неправомерно отождествляют «исповедь» с «исповедальностью» (будь то эгодокументальная или собственно художественная литература). Сказанное позволяет надеяться на появление новых трудов, для которых рецензируемое издание послужит надежным фундаментом.

Сведения об авторе:

Оксана Сергеевна Кудлай,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Oksana S. Kudlay,
Graduate Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
kudlay.oksana.96@mail.ru